

ФОЛЬКЛОРИСТИКА/FOLKLORE STUDIES

DOI: <https://doi.org/10.60797/RULB.2025.68.9>**ОСОБЕННОСТИ БЫТОВАНИЯ ЛИРИЧЕСКИХ ПЕСЕН «ОХ, РОСПЕЧАЛЬНОЕ МОЁ СЕРДЕЧКО» И «ОХ, КАТЕНЬКА-КАТЮШЕНЬКА» В РУССКИХ ДИАЛЕКТНЫХ ТРАДИЦИЯХ СЕВЕРНЫХ РАЙОНОВ УДМУРТИИ**

Научная статья

Толкачева С.В.^{1,*}¹ ORCID : 0000-0002-9362-3017;¹ Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, Ижевск, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (svetlana-tolk[at]mail.ru)

Аннотация

Статья посвящена особенностям бытования русских лирических песен диалектных традиций северных районов Удмуртии.

Целью статьи является выявление способов функционирования текстов лирических песен в их вариантных изменениях на различных уровнях вербального текста. Проанализированы поэтическая образная система, сюжеты, мотивное строение, характерные стилистические черты русских протяжных песен, записанных в северных районах Удмуртии.

Для более детального и тщательного исследования привлечены варианты текстов двух песен, записанных разными собирателями во временном диапазоне до семи лет, а также расшифровки текстов многоканальной записи.

Основными методами исследования стали сравнительный, описательный, диахронный методы, дискурсивный анализ, мотивный анализ.

Анализ поэтических и текстологических особенностей вербального стиля некоторых русских лирических песен в северных районах Удмуртии показал, что певческая традиция исполнения лирики на рубеже XX – XXI веков находится в стадии активного развития. Народная терминология определяет протяжные песни как «просто песни». В данном термине подчёркивается цель исполнения протяжных песен — коллективное сотворчество особой звучащей реальности, общение людей на музыкально-вербальном уровне. Тексты песен посвящены описанию рефлексии глубоких чувственных переживаний. Сходный поэтический настрой песен приводит к задействию в различных текстах похожих сюжетных линий, вербальных мотивов. Включение личных имён придаёт образному строю песен конкретные, индивидуальные черты. На уровнях оформления музыкально-вербального ритма анализируемые песни выдержаны в едином стиле, которому присущи вариантность повтора строк, включение в распевы разных гласных, частиц, междометий, слов.

Ключевые слова: лирическая песня, русский фольклор Удмуртии, протяжная песня.

SPECIFICS OF THE EXISTENCE OF THE LYRICAL SONGS ‘OH, MY SORROWFUL HEART’ AND ‘OH, KATENKA-KATYUSHENKA’ IN THE RUSSIAN DIALECT TRADITIONS OF THE NORTHERN REGIONS OF UDMURTIA

Research article

Tolkacheva S.V.^{1,*}¹ ORCID : 0000-0002-9362-3017;¹ Udmurt Institute of History, Language, and Literature of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Izhevsk, Russian Federation

* Corresponding author (svetlana-tolk[at]mail.ru)

Abstract

The article is devoted to the specifics of Russian lyrical songs of dialectal traditions in the northern regions of Udmurtia.

The aim of the paper is to identify the ways in which the texts of lyrical songs function in their variant changes at different levels of verbal text. The poetic imagery system, plots, motif structure, and characteristic stylistic features of Russian long songs recorded in the northern regions of Udmurtia are analysed.

For a more detailed and thorough study, we have used versions of the lyrics of two songs recorded by different collectors over a period of seven years, as well as transcriptions of the lyrics from a multichannel recording.

The main research methods used were comparative, descriptive, diachronic methods, discursive analysis, and motivational analysis.

An analysis of the poetic and textual characteristics of the verbal style of some Russian lyrical songs in the northern regions of Udmurtia has shown that the singing tradition of performing lyrics at the turn of the XX and XXI centuries is in a stage of active development. Folk terminology defines long songs as ‘just songs.’ This term emphasises the purpose of performing long songs — the collective creation of a special sounding reality, communication between people on a musical and verbal level. The lyrics of the songs are devoted to describing the reflection of deep emotional experiences. The similar poetic mood of the songs leads to the use of similar plot lines and verbal motifs in various texts. The inclusion of personal names gives the imagery of the songs specific, individual traits. In terms of musical and verbal rhythm, the songs analysed are consistent in style, characterised by variations in the repetition of lines and the inclusion of different vowels, particles, interjections and words in the melodies.

Keywords: lyrical song, Russian folklore of Udmurtia, long song.

Введение

В традиционной культуре современной Удмуртии русские лирические песни сохраняют активную форму бытования вплоть до настоящего времени. Песенная сфера необрядовой лирики местной фольклорной традиции включает в себя песни лирического содержания, баллады, солдатские, исторические, сиротские, тюремные песни и т.д. Лирические песни, т.е. песни, которые не имеют жёсткого закрепления к какому-либо обряду или ритуалу, в народной терминологии обозначаются собственно словом «песни»: «просто песни», «эта песня так просто», «просто на пьянке», «где-нибудь на празднике», «на каких-нибудь сходах», «пели хоть когда».

Солдатские песни могут исполняться в рекрутских обрядах, поскольку их содержание соотносится с темой проводов в армию, со службой в армии. В них описываются или упоминаются военные действия. Музыкальная и поэтическая стилистика обрядовых «некрутских» песен в русской региональной традиции современной Удмуртии также приближена к лирическим песням [11, С. 281–282, 285].

Лирические песни имеют относительную приуроченность к обрядам и к календарным сезонам. Обычно лирические песни исполнялись на встречах родственников и односельчан, которые проходили во время календарных и / или престольных праздников, на свадьбе, после выполнения работ приглашённой группой родственников и знакомых — «на помочах». В южных районах Удмуртии зафиксированы лирические песни, исполняющиеся преимущественно на Масленицу.

Блок нотаций лирических песен южных районов Удмуртии и анализ их музыкальных и вербальных особенностей представлен в книге И. К. Травиной «Песни родины П. И. Чайковского» [14]. В сборнике «Ох, распечальное моё сердечко», посвящённому исполнительскому искусству народной исполнительницы Н. Е. Власовой из с. Карсовой Балеизинского района, размещены лирические и рекрутские песни [9]. Нотная расшифровка протяжной песни «Ох, на горе-то, горе да, есть да на горушке», записанной в с. Сергино Балеизинского района Удмуртии, представлена в статье С. В. Стародубцевой [10]. Лирическим песням, как календарно-приуроченному жанру, уделено значительное внимание в кандидатской диссертации этномузыколога Е. А. Скларовой «Музыкальный фольклор в календарных обрядах русских старожилов Удмуртии» [8].

Исследователем русского фольклора Удмуртии Э. А. Тамаркиной проведено исследование и классифицированы образы, сюжеты, мотивы огромного количества романсовой лирики. В её книгу «Романсовая лирика Удмуртии» [12] включены 723 образца лирических песен, баллад, романсов, песен литературного происхождения. Большое количество необрядовых лирических песен содержит книга литературоведа, краеведа А. Г. Татаринцева «Русский фольклор Удмуртии» [13]. Опубликованные материалы по русскому фольклору, записанные в начале XX в. на территории современной Удмуртии первым удмуртским писателем, священником, этнографом Г. Е. Верещагиным, также охватывают большой корпус текстов, которые можно соотнести с необрядовыми лирическими песнями. В рукописях их жанровая приуроченность не обозначена [1].

Вплоть до настоящего времени вербальный стиль русских лирических песен, бытовавших в северных районах Удмуртии, не был объектом специального исследования. Целью исследования в данной статье становится выявление и описание характерных вербальных особенностей лирических песен, характерных для диалектных традиций северных районов Удмуртии, в которых ярко представлен музыкально-поэтический стиль протяжных песен. В статье проводится комплексный анализ их образной системы, сюжетов, мотивов, вербальных особенностей певческого стиля.

В исследовании задействованы рукописные и опубликованные материалы, зафиксированные на аудионосители автором статьи в ходе фольклорных экспедиций (ФЭ) Удмуртского института истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской академии наук (УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН) в северные районы Удмуртии с 1993 по 2001 года. Все полевые материалы хранятся в Научно-отраслевом архиве (НОА) УИИЯЛ. В качестве сравнительного материала привлечён вариант песни, записанный этномузыковедом и этнохореологом Ю. П. Богдановой (выражаю благодарность Ю. П. Богдановой за любезно предоставленную запись 2008 года из её личного полевого архива). В научный обиход впервые вводятся тексты лирической песни «Ох, Катенька-Катюшенька» в многоканальной записи русской фольклорной традиции современной Удмуртии.

Основные результаты и обсуждение

На территории Удмуртии в ходе фольклорно-этнографических экспедиций УИИЯЛ зафиксировано несколько лирических песен, исполненных в стиле протяжных песен. Такие элементы стиля протяжных песен, как длительные распевы слогов, зачастую со сменой гласных, словообрывы, замены согласных в междометиях и частицах, в большей мере присущи лирическим песням диалектных локальных традиций Удмуртии, но встречаются также и во многих обрядовых песнях региона, например, в свадебных, хороводных, «некрутских» песнях.

Характерной чертой бытования лирических песен в русской традиционной культуре Удмуртии является исполнение достаточно больших фрагментов текста на отличающиеся или варианты напевы. Ярким примером данного артефакта служат песни «Ох, Катенька-Катюшенька» и «Ох, распечальное моё сердечко» [9, С. 94–96].

Песня «Ох, Катенька-Катюшенька» зафиксирована в северных районах Удмуртии — в Балеизинском и Кезском, где проживает русское и удмуртское население, придерживающееся старообрядческой веры. В с. Карсовой Балеизинского района Удмуртии от известной исполнительницы народных песен Н. Е. Власовой в разное время были записаны два варианта песни «Ох, Катенька-Катюшенька»: в 2001 году (автором статьи) и в 2008 году — этномузыковедом и этнохореологом Ю. П. Богдановой. В Таблице №1 приведены оба текста с нумерацией строк. Сходные строфы располагаются в соседних колонках рядом. Отличающиеся фрагменты текста выделены подчёркнутым шрифтом. Тексты расшифрованы автором статьи.

Таблица 1 - Тексты песен «Ох, Катенька-Катюшенька» в записи 2001 и 2008 годов

DOI: <https://doi.org/10.60797/RULB.2025.68.9.1>

Вариант, записанный в 2001 году (НОА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, ФЭ 2001 года в с. Карсовой Балезинского района Удмуртии)	Вариант, записанный в 2008 году Ю. П. Богдановой (личный полевой архив Ю. П. Богдановой)
1. Ох, Катенька, Катюшинька, / Дак мил ^{ой} ведь друг Ванюшенька.	1. Ох, Катенька ^а (э ^а х), Катюшенька, / Дак мил ^{ый} ведь друг Ванюшенька.
2. Ох, мил ^{ой} друг Ванюшеника, / Дак, печально сердечушко.	2. Ох, мил ^{ый} друг Ванюшеника, / Да ^к , печально сердечушко.
3. Ох, печально сердечушко, / Да ох, серцо, мо, тужит, грудь да болит.	—
4. Ох, серцо, мо, тужит, грудь болит, / Да <u>ох</u> , не с-по прежн ^{ей} во..., ой, волюшке.	3. Ох, серцо, мо, тужит, грудь болит, / Да <u>ох</u> , не с-по прежн ^{ей} во..., ой, волюшке.
5. Ох, не с-по прежн ^{ей} волюшке, / Да ^х ох, с-по гульбе(х), ох ^о тушке.	4. Ох, не с-по прежн ^{ей} волюшке, / Да ^к ох, с-по гульбе(х), ох ^о (о ^{хо})тушке.
6. Ох, были бы, были пёрышка / Да ох, пёрышка гусиныё.	5. Ох, были бы, были пёрышка / Да ^к ох, пёрышка гусиныё.
7. Ох, пёрышка гусиныё, / Дак перья ведь ле... ой, лебединыё.	6. Ох, пёрышка ^а (а) гусиныё, / Да ^к перья ведь ле... ой(е), лебединыё.
8. Ох, взнялся бы голубь высоко, / Да ох, улете ^л бы да... ой, далеко.	7. Ох, взнялся бы голубь высоко, / Да ^к ох, улете(е ^л) бы да... ой, далеко.
9. Ох, взнялся бы голубь высоко, / Да ^х , ох, улете ^л бы ой, далеко.	—
10. Ох, улете ^л бы далеко / Да прямо ведь к <u>Кате</u> , ой, на крыльцо.	8. Ох, улете ^л бы далеко, / Да ^к прямо ведь к <u>милы^{ой}</u> , о, ох, на крыльцо.
11. Ох, улете ^л бы далеко / Да прямо ведь к Кате, ой, на крыльцо.	—
12. Ох, Катинька, Катюшинька, / Дак милой ведь друг Ванюшинька.	—

При сравнении текстов, записанных от Н. Е. Власовой с интервалом в 7 лет, очевидным становится её отношение к песне как к свободному, естественному процессу раскрытия своей души через пение. Н. Е. Власовой пропускаются или повторяются строфы, заменяются некоторые слова, в том числе и имена собственные, варьируются гласные в распевах, вставляются или опускаются частицы и междометия. Сравнение нотных расшифровок показывает значительное варьирование каданса первой части мелостроки.

Многоканальная запись песни «Ох, Катенька-Катюшенька» была произведена в 2001 году в с. Степанёнки Кезского района. Также в январе 2001 года эта песня была записана от ансамбля певиц из с. Сергино Балезинского р-на. Далее, в Таблице №2 предлагается расшифровка текстов с трёх каналов и с общего канала многоканальной записи из с. Степанёнки (НОА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, ФЭ 2001 года в с. Степанёнки Кезского района Удмуртии). Представленная аудиозапись индивидуального исполнения, зафиксированного на общем канале, к сожалению, утеряна. Отличающиеся фрагменты текста выделены подчёркнутым шрифтом.

Таблица 2 - Тексты песен «Ох, Катенька-Катюшенька» из с. Степанёнки Кезского района Удмуртии в многомикрофонной записи 2001 года

DOI: <https://doi.org/10.60797/RULB.2025.68.9.2>

Текст с общего канала	Текст песни, исполняемый Екатериной Платоновной Макаровой	Текст песни, исполняемый Капитолиной Дмитриевной Гавшиной	Текст песни, исполняемый Екатериной Михайловной Макаровой
1. Ох, Катенька(э), Катюшинька, / Дак милый ведь друг Ванюшенька.	—	—	—
2. Ох, милый друг Ванюшинька, / Дак, пе... печально сердечушко.	2. Ох, милый друг Ванюшинька, / Дак, пе... печально(о ^о) сердце(ү ^е)чушко.	2. Ох, милый друг Ванюшенька, / Дэ, пе... печально сердце(э ^е)чушка.	2. О, Ванюшинька, / Да ^к , пэ... печально(о ^о оу) сердечушко.
3. Ой, печально сердечушко, / Дак, се... сердце тужит, грудь болит.	3. Печально сердечушко, / Дак, се(й)... серцо ту(о ^а у ^о)жит, гру(ү)дь болит.	3. Ой, печально сердечушко(о ^а), / Да ^к , сердце ведь ту ^о (о ^а у ^о)жит, грудь болит.	3. Печально сердечушко, / Да ^к , се... сердце, де, ту(оу)жит, грудь болит.
4. Ох, сердце тужит, грудь болит, / Дак не(й), не с-по прежней волюшке.	4. Ох, сердце тужит, грудь болит, / Дак не(й), не с-по пре(э ^е)жной во(хо)люшке.	4. Ой, сердце ту ^о жит, грудь болит, / Да не, не с-по пре(э ^е)жней во(о)люшке.	4. Серце тужит, грудь болит, / Да ^к не(й), не с-по пре(й)жней волю... ке.
5. Ох, не с-по прежней волюшке, / Дак при, при гульбе, (й)охотушке.	5. Ох, ни с-по прежней волюшке, / Дак с-пе, пре гульбе, (й)охо(ү)тушке.	5. Ох, ни с-по прежней волюшке, / Дак с-пе, пре гульбе, (й)охо(ү)тушке.	5. Ох, не с-по прежней волю...ке, / Дак спе, пре гульбе, (й)охо(хо)тушке.
6. Ох, при гульбе, (й)охотушке, / Дак взнялся бы, взнялся высоко.	6. Ох, с-пре гульбе ль, (й)охотушке, / Дак взнялся бы, взнялся высоко.	6. Ох, с-пре гульбе ль, (й)охотушке, / Дак взнялся бы, взнялся высоко.	6. Ох, с-пре гульбе, (й)охотушке, / Дак взнялся бы, взня(а)лся высоко.
7. Ох, взнялся бы голубь высоко, / Дак, ой, улетел бы далеко.	7. Ох, взнялся бы, взня(а ^а)лся высоко, / Дак, ой, улете(хе)л бы далеко.	7. Ох, взнялся бы, взня(а ^а)лся высоко, / Дак, ой, улете(хе)л бы далеко.	7. Ох, взнялся бы, взнялся высоко, / Да, хой, улете(э)л бы далеко.
8. Ой, улетел бы далеко, / Дак сел бы я, голубь, на(й) окно.	8. Ой, улетел бы далеко, / Дак сел бы я, голубь, на(й) окно.	8. Ой, улетел бы далеко, / Дак сел бы, я, голубь, на(й) окно.	8. Ой, улетел бы далеко, / Дак сел бы я, го(о)лубь, во кры... ...кно. (говорком: на окно).
Текст в пересказах: – Сел бы, я, голубь, на окно, Стал бы голубь ворковать. Свою милую пробужать, пробуждать, ле, как-то там. – «Стань-ко, Катерина, встань-ко, проснись», – там. – «По постельке протянись».			

При сравнении текстов песен, записанных от певиц из с. Степанёнки и от Н. Е. Власовой, сразу бросается в глаза, что в варианте из с. Степанёнки есть дополнительные строфы: «...Дак сел бы я, голубь, на(й) окно.../ Стал бы голубь ворковать. / Свою милую пробужать... / – Стань-ко, Катерина, встань-ко, проснись, / По постельке протянись». В остальном и вербальная, и музыкальная ткань этих вариантов сходная.

В текстах, индивидуально пропеваемых каждой певицей и записанных в совместном их исполнении (многоканальная форма записи), отмечаются значительные варианты в повторе отдельных слов, в артикуляции гласных и согласных звуков, в интонировании гласных в распевках. Также возможны пропуски слов, импровизированное включение частиц и междометий, даже фрагментов слов. Например, в исполнении Е. М. Макаровой восьмой мелострофы начатое слово «крыльцо» мгновенно заменено ею на слово «окно» — «кры... ..кно».

В расшифровке индивидуально исполненного текста видно, как певица, вспоминая «свои» строки, закреплённые именно в её памяти, в случае необходимости, при значительном расхождении в словах с другими исполнителями, мгновенно подстраивается под общее ансамблевое пение.

В песне «Ох, Катенька-Катюшенька» особое внимание обращает на себя включение в текст имён собственных. Песня начинается с упоминания имён персонажей — «Катенька» и «Ванюшенька», которые в дальнейшем, за исключением последней строфы, не фигурируют.

Имя «Катерина» достаточно широко распространено в русском фольклоре Удмуртии, встречается в лирических, хороводных и плясовых песнях. В свадебных песнях оно упоминается редко. Среди женских имён в лирических песнях встречаются имена Саша / Шура (песни «Ох, распечальное моё сердечко» [9, С. 94–96], «Мальчишечка да разбедняжечка» [14, С. 166–167], «Тоскует моё сердечушко» [1, С. 270]); «Дуняша» (песня «Вдоль по улице Ванюшенька похаживает» [1, С. 250]); «Лиля», «Лия» (песня «В глухой долине полумрака» [12, С. 320–345]) и др.

Для лирических песен характерны следующие мужские имена: Иван (баллада «В саду ягодка-малинка» [9, С. 97–100]); Василий (песня Васенька-дружок — лёгонький умок» [1, С. 303]); Владимир (песня «Володя ты, Володя» / «Разлука ты, разлука» [12, С. 84–96]) и др.

В неприуроченной лирике позднего происхождения достаточно часто встречаются имена собственные и фамилии исторических героев. Например, «граф Пашкевич» (песня «Поле чистое, турецкое» [13, С. 118]), «Лапухин», «Епраксин» (песня «При долине, при лугу» [1, С. 328–329]), «князь Ракчеев», «Пален» (песня «Как поехал князь Ракчеев» [1, С. 329–330]) и т.д.

В большинстве лирических песен, и особенно в ранней лирике, соотносимой с рефлексированием на воспоминания о чувствах любви, тоски, главные персонажи обозначаются лексемами *он / она, друг / подруга, милый / милая, любезня, дорогой / дорогая, добрый молодец, девушка, любушка* и т.д.

Включение в текст песни «Ох, Катенька-Катюшенька» имени «Екатерина» позволяет предположить, что или время возникновения песни, или просто закрепление собственного имени за текстом песни может соотноситься с эпохой правления Екатерины Великой. Объективную возможность данного артефакта подтверждают научные изыскания российского историка О. В. Матвеева. В исследовании О. В. Матвеева представлены данные о многочисленных свидетельствах отражения образа Екатерины II в русских и белорусских солдатских и исторических песнях, в топонимических преданиях, быличках, в которых «...Екатерина Великая выполняет роль «культурного героя»» [7, С. 411, 419].

В варианте песни, записанной Ю. П. Богдановой, в последних строках имя «Катя» заменено на слово «милая»: «... Ох, улетел бы далеко / Да прямо ведь к Кате, ой, на крыльцо» (запись автора) и «Ох, улетел бы далеко, / Да³ прямо ведь к милы³й, о, ох, на крыльцо» (см. Таблицу №1, запись Ю. П. Богдановой). Этот факт говорит о том, что текст данной песни ориентирован не на показ взаимодействия персонажей и их жизненных коллизий, а на рефлексии душевного состояния воображаемого героя и на определённое отождествление певиц себя с этим героем.

Данная гипотеза подтверждается выводами этномузыколога, исследователя русских лирических песен Северо-Запада России И. Г. Корольковой: «...сама песня может восприниматься певицами сквозь призму личного имени. Это закрепляется в названии песни и придает звучанию особую эмоциональную окрашенность...» [5, С. 44].

В январе 1994 года в ходе фольклорной экспедиции УИИЯЛ в с. Карсовой Базезинского района Удмуртии Н. Е. Власова исполнила песню «Ох, распечальное моё сердечко» [9, С. 94–96]. Эта песня имеет оригинальный мотив, её ладомелодическое и интонационное строение богаче, чем в песне «Ох, Катенька-Катюшенька». По душевному настрою, по содержанию, художественным образам песня «Ох, распечальное моё сердечко» во многом перекликается с песней «Ох, Катенька-Катюшенька». Значительное сходство наблюдается в большинстве вербальных мотивов, в отдельных словах и выражениях. Далее, в Таблице №3, приводятся оба текста с нумерацией строф. Строфы с аналогичными вербальными мотивами располагаются в соседних колонках рядом, для удобства сравнения.

Таблица 3 - Тексты песен «Ох, Катенька-Катюшенька» и «Ох, распечальное моё сердечко» из с. Карсовой Базезинского района Удмуртии

DOI: <https://doi.org/10.60797/RULB.2025.68.9.3>

«Ох, Катенька, Катюшенька» (НОА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, ФЭ 2001 года в с. Карсовой Базезинского района Удмуртии)	«Ох, распечальное моё сердечко» (НОА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, ФЭ 1994 года в с. Карсовой Базезинского района Удмуртии)
1. Ох, Катенька, Катюшенька, / Дак милой ведь друг Ванюшенька.	—
2. Ох, милой друг Ванюшеника, / Дак, печально сердечушко.	1. Ох, распеча ³ льно, э ох, / Распечальное моё сердце(э ^е)чко.
3. Ох, печально сердечушко, / Да ох, серцо мо тужит, грудь да болит.	2. Ох, сердце, мо, тужит, э ^е ох, / Сер(ы)це, мо, тужит, грудь моя горю ^е т.
4. Ох, серцо, мо, тужит, грудь болит, / Да хох, не с-по прежней во..., ой, волошке.	3. Ох, грудь горюет, э ^е ох ^е , / Грудь горюёт, милый мои не зна(за ^а) ^е т.
—	4. Ох, хоть и, мо, зна(а ^а)ет, эо, / Хоть и, мо, знает, горю не споможет.
—	5. Ох, не нажить мне, э(э ^е) хох, /

«Ох, Катенька, Катюшинька» (НОА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, ФЭ 2001 года в с. Карсовой Базинского района Удмуртии)	«Ох, распечально моё сердечко» (НОА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, ФЭ 1994 года в с. Карсовой Базинского района Удмуртии)
	Ох, не нажить мне старую прежнюю волю.
5. Ох, не с-по прежней волюшке, / Дах ох, с-по гульбе(х), охотушке.	6. Ох, волю мо, волю, э ох, / Волю, мо, волюшку-гульбу да(й) ёхоту.
6. Ох, были бы, были пёрышка / Да ох, пёрышка гусиныё.	7. Ох, были бы, были, э ох, / Были бы, были пёрышка гусины.
7. Ох, пёрышка гусиныё, / Дак перья ведь ле... ой, лебединыё.	8. Ох, пёрышка(эо), о ох, / Пёрышка ли, пёрышка гусины.
8. Ох, взнялся бы голубь высоко, / Да ох, улетел бы да... ой, далеко.	9. Ох, взнялся бы, взнялся, э хoho, / Взнялся бы, взнялся голубь на Елену.
9. Ох, взнялся бы голубь высоко, / Дах, ох, улетел бы ой, далеко.	10. Ох, на Елену, э, ох, / На Елену, на саму вершину.
10. Ох, улетел бы далеко / Да прямо ведь к Кате, ой, на крыльцо.	11. Ох, стал бы я, стал бы, э ох, / Стал бы я, стал бы, голубь, ворковати.
11. Ох, улетел бы далеко / Да прямо ведь к Кате, ой, на крыльцо.	12. Ох, стал бы я, стал бы, э ох, / Стал бы я, стал бы, голубь, ворковати.
12. Ох, Катинька, Катюшинька, / Дак милой ведь друг Ванюшинька.	13. Ох, стал бы я, стал бы, э(э) ох, / Стал бы я, стал бы Шуру дожидати.
—	14. Ох, распеча ³ льно, э ох, / Распечальноё моё сердце ^э чко.

В начале песни «Ох, распечальное моё сердечко» отсутствует обращение к конкретному персонажу. Это ещё раз подтверждает факт включения имени в текст «Ох, Катенька-Катюшенька» и его «закрепление» за данной песней как относительно индивидуальное, личностное проявление, запечатлённое в фольклорной традиции, и, вероятно, как своеобразную дань моде.

В обеих песнях присутствуют сходные вербальные мотивы. В художественных образах этих мотивов задействуются субстанции разных сфер бытия человека:

– чувства, эмоциональные состояния, соотносимые с телом человека — «распечальное сердечко», «сердце тужит», «грудь горюет / болит»;

– характеристики души человека — «старая прежняя воля», «прежняя волюшка, гульба-охотушка» («Воля — одно из древнейших психологических понятий. Начиная с Античности и до Новейшего времени воля, наряду с разумом и чувствами, занимает центральное место в учении о душе человека» [15, С. 72], см. также [4, С. 10]);

– обращение к птицам («пёрышки гусины-лебедины», голубь).

Кульминационный образ обеих песен воплощается в мотиве «взнялся голубь»:

– песня «Ох, Катенька-Катюшенька» завершается мотивом прилёта голубя к Кате: «...Взнялся бы голубь высоко, / Улетел бы далеко, / Прямо ведь к Кате на крыльцо» (см. Таблицу №3, строфы 8–11);

– вариант данного мотива в песне «Ох, распечальное моё сердечко»: «...Взнялся бы голубь на Елену, / На саму вершину...» (см. Таблицу №3, строфы 8–10).

Экспрессия мотива передаётся словом «взнялся», которое, согласно словарю В. Даля, обозначает также «подыматься, вздыматься, восходить, возноситься» [2, С. 199]. Слово «взнялся» в контексте обоих текстов передаёт через обращение к полёту птицы чувство своеобразного полёта души. Герой песни, а вместе с этим и её исполнительницы, через описание души человека, вспоминающей парящих птиц («пёрышки гусины, лебедины»), голубя – стремятся к аналогичному, или совместному, полёту.

Сама Н. Е. Власова прокомментировать выражение «взнялся бы голубь на Елену» не смогла. Толкованием слова «Елена» может быть слово «елина», т.е. ель. В словаре В. Даля зафиксирован диалектный вариант слова «ель» — «елина»: «...елина, умалит. ёлка, елушка, елинка, елочка, елинушка. хвойное дерево Pinus, ель русская, европейская...» [2, С. 518–519].

Диалектные фольклорные традиции северных районов Удмуртии испытывают воздействие музыкальной старообрядческой культуры, напрямую взаимодействуют с ней. «Духовный стих насквозь пронизывал жизнь старообрядческой общины... Стих звучал на трапезе, за рукоделием, после моления и похорон» [6, С. 56]. Исходя из созвучия слов «Елена» и «Елеонская» (гора), в качестве одного из вариантов «рабочих» гипотез можно предположить, что в тексте «Ох, распечальное моё сердечко» зафиксирована вербальная трансформация названия Елеонской горы и её мифологического образа в имя «Елена».

Песня «Ох, распечальное моё сердечко» записана на территории современной Удмуртии только от одной исполнительницы, поэтому подтвердить или опровергнуть эти предположения не представляется возможным.

Сдержанность чувств и одновременно с этим высокий эмоциональный накал в исполнении протяжных песен присущ исполнению лирических песен других региональных традиций, в частности, западно-сибирской русской традиции Зауралья (Тюменская область): «Отличительными свойствами лирической проговорной песни у русских

старожилов и новопоселенцев остаются эмоциональная сдержанность..., сосредоточенность и глубина чувств, искренность и поэтическое отношение к миру» [3, С. 68].

Итак, сравнительный анализ текстов песен «Ох, распечальное моё сердечко» и «Ох, Катенька-Катюшенька» показал, что:

- в самом определении народа протяжных песен фигурирует выражение «просто песни», т.е. песни, целью исполнения которых является выражение чувств певцов, рефлексия своей жизни, коллективное со-творение особой звучащей реальности для эмоциональной, душевной со-настройки собравшихся людей;
- звучание песен «Ох, Катенька-Катюшенька» и «Ох, распечальное моё сердечко» передаёт высокий накал чувств, выражаемый в развитой, экспрессивной волнообразной мелодике, поддерживаемый на вербальном уровне мотивами и лексемами, имеющими глубокие мифологические и психолингвистические корни;
- песни посвящены описанию рефлексии глубоких чувственных переживаний;
- в песнях задействуются и выражаются в вербальной ткани очень высокие, тонкие, и, одновременно, сильные, яркие чувства;
- наличие сходных вербальных мотивов приводит к образованию похожих сюжетных линий: герой тоскует, обращается к своему сердцу, вспоминает «прежнюю» волю и «гульбу-ёхотушку», мечтает о встрече, посредством «пёрышек «гусиных-лебединых» стремится к воссоединяющему «полёту»;
- включение имён «Катерина» и «Ванюша» придаёт образному строю песни «Ох, Катенька-Катюшенька» конкретные, индивидуальные характеристики;
- глубокие корни и сила старообрядческой веры в северных районах Удмуртии способствуют насыщенности активного словаря населения лексикой на сокровенные, божественные темы. Это позволяет в качестве «рабочей» гипотезы предположить, что под именем «Елена» может подразумеваться образ Елеонской горы;
- песни отличаются по композициям вербальной и музыкальной формы. Но на уровнях оформления музыкально-вербального ритма данные песни выдержаны в едином стиле. Им присущи вариантность повтора строк, включения в распевы разных гласных, частиц, междометий, слов и т.д.

Заключение

Таким образом, исследование текстов двух русских лирических протяжных песен, записанных в северных районах Удмуртии, показал, что певческая традиция исполнения лирики в стиле протяжных песен на рубеже XX – XXI веков является «живой», развивающейся. Активным вариантным изменениям подвержены тексты — музыкальные и вербальные: преобразуется содержание, появляются новые сюжеты, мотивы, образы, варьируются строки, слова, индивидуальные приёмы произнесения и артикулирования гласных и согласных звуков.

Благодарности

Выражаю благодарность Ю. П. Богдановой за любезно предоставленную запись 2008 года из её личного полевого архива.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Acknowledgement

I express my gratitude to Yu. P. Bogdanova for kindly providing a 2008 recording from her personal field archive.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Верещагин Г.Е. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 4: Фольклор. Кн. 2: Русский фольклор: Сказки. Анекдоты. Песни. Детский фольклор. Пословицы и поговорки / Г.Е. Верещагин. — Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 2002. — 440 с.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 1 / В.И. Даль. — Москва : Терра, 1994. — 702 с.
3. Дёмина Л.В. Лирическая протяжная песня как центр жанровой системы западносибирской песенной традиции / Л.В. Дёмина // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. — 2016. — № 3(47). — С. 66–70.
4. Катаева Н.М. Русский концепт воля: от словаря — к тексту : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.М. Катаева. — Екатеринбург, 2004. — 24 с.
5. Королькова И.В. Лирические песни в традиционной культуре Северо-Запада России / И.В. Королькова. — Москва : Гос. республиканский центр русского фольклора, 2010. — 360 с.
6. Макаровская М.В. Напевы духовных стихов Верхокамья / М.В. Макаровская // Кому повем печаль мою: Духовные стихи Верхокамья. Исследования и публикации / под ред. И.В. Поздеевой. — Москва : Данилов ставропигиальный мужской монастырь, 2007. — С. 56–65.
7. Матвеев О.В. Эпоха Екатерины Великой в народных исторических представлениях русских и белорусов: общее и особенное / О.В. Матвеев // Гуманитарные и юридические исследования. — 2022. — Т. 9, № 3. — С. 411–422.
8. Скларова Е.А. Музыкальный фольклор в календарных обрядах русских старожилов Удмуртской Республики : дис. ... канд. искусствоведения / Е.А. Скларова. — СПб., 2015. — 240 с.
9. Стародубцева С.В. Ох, распечальное моё сердечко (песни из репертуара Н.Е. Власовой) / С.В. Стародубцева. — Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 1999. — Вып. 1. — 226 с.

10. Стародубцева С.В. Протяжная «На горе-то, горе да, есть да на горушке»: размышления после расшифровки / С.В. Стародубцева // Финно-угорская фольклористика на пороге нового тысячелетия : материалы конф. (Глазов, 17–30 авг. 2001 г.) / отв. ред. Т.Г. Владыкина. — Ижевск, 2001. — С. 148–154.
11. Толкачева С.В. Метафорические образы пространства в русских традиционных рекрутских обрядах Удмуртии: тематика «пути-дороги» / С.В. Толкачева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2022. — Т. 15, Вып. 2. — С. 281–286.
12. Тамаркина Э.А. Романсовая лирика Удмуртии / Э.А. Тамаркина. — Ижевск : Удмуртский университет, 2000. — Вып. 1. — 856 с.
13. Татаринцев А.Г. Русский фольклор Удмуртии / А.Г. Татаринцев. — Ижевск : Удмуртия, 1990. — 368 с.
14. Травина И.К. Русские народные песни родины П.И. Чайковского / И.К. Травина. — Москва : Советский композитор, 1978. — 186 с.
15. Шляпников В.Н. Воля: потерянное звено современной зарубежной психологии / В.Н. Шляпникова // Экспериментальная психология. — 2022. — Т. 15, № 1. — С. 72–87.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Vereshchagin G.E. Sbornie sochineniy: v 6 t. T. 4: Fol'klor. Kn. 2: Russkiy fol'klor: Skazki. Anekdoty. Pesni. Detskiy fol'klor. Poslovitsy i pogovorki [Collected works: in 6 vols. Vol. 4: Folklore. Book 2: Russian folklore: Fairy tales. Anecdotes. Songs. Children's folklore. Proverbs and sayings] / G.E. Vereshchagin. — Izhevsk : UIYAL UrB RAS, 2002. — 440 p. [in Russian]
2. Dal' V.I. Tolkovyy slovar' zhivago velikorusskogo yazyka [Explanatory dictionary of the living Great Russian language] : in 4 vols. Vol. 1 / V.I. Dal'. — Moscow : Terra, 1994. — 702 p. [in Russian]
3. Dyomina L.V. Liricheskaya protyazhnaya pesnya kak tsentr zhanrovoy sistemy zapadnosibirskoy pesennoy traditsii [Lyrical drawn-out song as the center of the genre system of the West Siberian song tradition] / L.V. Dyomina // Vestnik Chelyabinskoy gosudarstvennoy akademii kul'tury i iskusstv [Bulletin of Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts]. — 2016. — № 3(47). — P. 66–70. [in Russian]
4. Kataeva N.M. Russkiy kontsept volya: ot slovarya — k tekstu [Russian concept of "volya" (will/freedom): from dictionary to text] : abstract of the dissertation ... Candidate of Philological Sciences / N.M. Kataeva. — Yekaterinburg, 2004. — 24 p. [in Russian]
5. Korol'kova I.V. Liricheskie pesni v traditsionnoy kul'ture Severo-Zapada Rossii [Lyrical songs in the traditional culture of Northwestern Russia] / I.V. Korolkova. — Moscow : State Republican Center of Russian Folklore, 2010. — 360 p. [in Russian]
6. Makarovskaya M.V. Napevy dukhovnykh stikhov Verkhokam'ya [Melodies of spiritual verses of Verkhokamye] / M.V. Makarovskaya // Komu povem pechal' moyu: Dukhovnye stikhi Verkhokam'ya. Issledovaniya i publikatsii [To whom shall I tell my sorrow: Spiritual verses of Verkhokamye. Research and publications] / ed. by I.V. Pozdeeva. — Moscow : Danilov Stavropol Monastery, 2007. — P. 56–65. [in Russian]
7. Matveev O.V. Epokha Ekateriny Velikoy v narodnykh istoricheskikh predstavleniyakh russkikh i belorusov: obshchee i osobennoe [The era of Catherine the Great in folk historical representations of Russians and Belarusians: common and special features] / O.V. Matveev // Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya [Humanitarian and Legal Studies]. — 2022. — Vol. 9, № 3. — P. 411–422. [in Russian]
8. Sklyarova E.A. Muzykal'nyy fol'klor v kalendarnykh obryadakh russkikh starozhilov Udmurtskoy Respubliki [Musical folklore in calendar rituals of Russian old-timers of the Udmurt Republic]: dis. ... Candidate of Art History] / E.A. Sklyarova. — Saint Petersburg, 2015. — 240 p. [in Russian]
9. Starodubtseva S.V. Okh, rospeshal'noe moyo serdechko (pesni iz repertuara N.E. Vlasovoy) [Oh, my sorrowful heart (songs from the repertoire of N.E. Vlasova)] / S.V. Starodubtseva. — Izhevsk : UIYAL UrB RAS, 1999. — Iss. 1. — 226 p. [in Russian]
10. Starodubtseva S.V. Protiazhnaya «Na gore-to, gore da, est' da na gorushke»: razmyshleniya posle rasshifrovki [The drawn-out song "On the mountain, yes on the mountain": reflections after transcription] / S.V. Starodubtseva // Finno-ugorskaya fol'kloristika na poroge novogo tysyacheletiya [Finno-Ugric folklore studies on the threshold of the new millennium] : conf. proceedings (Glazov, August 17–30, 2001) / ed. T.G. Vladykina. — Izhevsk, 2001. — P. 148–154. [in Russian]
11. Tolkacheva S.V. Metaforicheskie obrazy prostranstva v russkikh traditsionnykh rekrutskikh obryadakh Udmurtii: tematika «puti-dorogi» [Metaphorical images of space in Russian traditional recruit rituals of Udmurtia: the theme of "path-road"] / S.V. Tolkacheva // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice]. — 2022. — Vol. 15, Iss. 2. — P. 281–286. [in Russian]
12. Tamarkina E.A. Romansovaya lirika Udmurtii [Romance lyrics of Udmurtia] / E.A. Tamarkina. — Izhevsk :Udmurt University, 2000. — Iss. 1. — 856 p. [in Russian]
13. Tatarintsev A.G. Russkiy fol'klor Udmurtii [Russian folklore of Udmurtia] / A.G. Tatarintsev. — Izhevsk :Udmurtia, 1990. — 368 p. [in Russian]
14. Travina I.K. Russkie narodnye pesni rodiny P.I. Chaykovskogo [Russian folk songs from the homeland of P.I. Tchaikovsky] / I.K. Travina. — Moscow :Soviet composer, 1978. — 186 p. [in Russian]
15. Shlyapnikov V.N. Volya: poteryannoe zveno sovremennoy zarubezhnoy psikhologii [Will: the missing link in modern foreign psychology] / V.N. Shlyapnikova // Eksperimental'naya psikhologiya [Experimental Psychology]. — 2022. — Vol. 15, № 1. — P. 72–87. [in Russian]